

Альсимъ», «Двѣнадцать Спящихъ Дѣвъ», «Пѣвецъ во станѣ Русскихъ Воиновъ», и проч. — Послания Жуковского заключаютъ въ себѣ мѣстами и отрывками характеристическія черты времени, въ которое они писаны; сверхъ того въ нихъ, какъ замѣтили мы выше, встрѣчаются поэтические проблески и замѣчательныя мысли. Особенно слабыми пѣсами (иные по формѣ, иные по содержанію, иные по тому и другому) считаемъ мы слѣдующія: «Пѣнь барда надъ гробомъ Славянъ-побѣдителей», «Пѣвецъ въ Кремлѣ», «Пиршество Александра, и сила гармоніи» (изъ Драйдена), «Гимнъ» (подражаніе Томсену), «Библия», «Сонъ Могольца», «Эпимесидъ», «Орелъ и Голубка», «Добрая мать», «Сиротка», «Подробный Отчетъ о Лунѣ» (какое-то странное *resumé* всего говореннаго поэтомъ о лунѣ въ разныхъ стихотвореніяхъ его), «Алонзо», «Доника», «Ленора», «Королева Урака», «Баллада, въ которой описывается, какъ одна старушка ѣхала на черномъ конѣ вдвоемъ, и кто сидѣлъ впереди», «Дѣвѣ были и еще одна», «Фридолинъ» (прекрасный переводъ странной по содержанію пьесы Шиллера), «Сказка о Царѣ Берендѣ и Сказка о Спящей царевнѣ». Что касается до «Аббадоны» — это мастерской, превосходный переводъ изъ самой натянутой, какая только была въ свѣтѣ, и совершенно забытой теперь поэмы.

Мы бы опустили одну изъ самыхъ характеристическихъ чертъ поэзіи Жуковского, если бъ не упомянули о дивномъ искусствѣ этого поэта живописать картины природы и впадать въ нихъ романтическую жизнь. Утро ли, полдень ли, вечеръ ли, ночь ли, вѣдро ли, буря ли, или пейзажъ, — все это дышитъ въ яркихъ картинахъ Жуковского какой-то таинственной, исполненной чудныхъ силъ жизнью... Примѣры лучше всего объясняютъ нашу мысль касательно этого предмета:

Стоялъ среди пѣтушій равнины
Старинный Ирлингфордъ,
И пышныя съ высотъ его картины
Повсюду видѣлъ взоръ.
Авонъ, шума подъ древними стѣнами,
Ихъ пѣной орошалъ
И низкій берегъ съ лѣсистыми холмами
Въ струяхъ его дрожалъ.
Тамъ пламенѣлъ береговъ на тихомъ
склонѣ
Закатъ сквозь рѣдкій лѣсъ;
Истребитель во дремлющемъ Авонѣ
Съ звѣздами сводъ небесъ.
Вдали, вблизи разсыпанные села
Дымилась по утрамъ,
Отъ рѣвыхъ стадъ долина вся шумѣла
И творилъ лѣсъ рогами.
Спѣшилъ съ пути проходной совратяся
На Ирлингфордъ взглянуть.
И, красотой его плѣняясь,
Онъ забывалъ свой путь.
(„Варвикъ“.)

Владыка Морвены,
Жилъ въ дѣдовскомъ замкѣ могучій Ордалъ.
Надъ озеромъ стѣны
Зубчатая замокъ съ холма возвышалъ.
Прибрежны дубравы
Склонялись къ водамъ,
И стлался кудрявый
Кустарникъ по алачнымъ окрестнымъ хол-
Спокойствіе стѣн мамъ.
Дубравныхъ тамъ часто лай псовъ на-
рушалъ;

Рогатыхъ оленей
И вепрей, и ланей могучій Ордалъ
Съ отважными псами
Гонялъ по холмамъ;
*И доли съ холмами
Шумя отъгнали зовущимъ рогами.*

На темные своды
Багрянымъ щитомъ покатила луна;
И озера воды
Струистымъ сияньемъ покрыла она;
Отъ замка, отъ стѣн
Дубравъ по берегамъ
Огромные тѣней
Легли великаны по гладкимъ водамъ.

Прохладою дышитъ
Тамъ вѣтеръ вечерній и въ листьяхъ
шумитъ,

И вѣтки колышетъ,
И арфу лобзаешь... но арфа молчитъ.
Творенія радость,
Настала весна —
И въ свѣжую младость,
Красу и веселье земля убрана.
И яркимъ сияньемъ
Холмы осыпалъ вечерющій день;
На землю съ молчаньемъ
Сходила ночная росистая тѣнь;
Ужъ синіе своды
Блестали въ звѣздахъ;
Сравнились воды,
И вѣтеръ улегся на спящихъ листьяхъ.
(„Эболова Арфа“.)

И вотъ... насталъ послѣдній день;
Ужъ солнце за горою;
И стелется вечерня тѣнь
Прозрачной целеною;
Ужъ сумракъ... смерклось... вотъ луна
Блеснула изъ-за тучи;
Легла на горы тишина,
Утихъ и лѣсъ дремучій;
Рѣка сравнялась въ берегахъ;
Зажглись свѣтила ночи;
И сонъ глубокой на поляхъ;
И близьокъ часъ полночи...

И все въ ужасной тишинѣ;
Окрестность какъ могила:
Вотъ... каркнулъ воронъ на стѣнѣ;
Вотъ... стая псовъ завыла;
И вдругъ... протяжно полночь бьетъ:
Нашли на небо тучи;
Рѣка надулась; боръ реветъ;
И мчится прахъ летучій...
Напрасно вбѣтъ вѣтерокъ
Съ душистыми долинами;
И свѣтъ луны серебрить потокъ
Сквозь темныя лигъ вершины;
И ласточка зари восходъ
Встрѣчаетъ щебетаньемъ;
И рожа въ тѣнь свою зоветъ
Листочковъ трепетаньемъ;